

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

МЕМОРИАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** Люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практики – мемориальной. Если сгорел муравейник, память об этом сообществе исчезает бесследно. Однако в человеческом обществе жизнь прошедших поколений не утрачивается. Прошлое продолжает присутствовать в актуальном сознании. В гуманитарных науках укоренился принцип историзма, позволяющий осмысливать прошлое в рамках исторического знания, в потоке времен, в их кружении и осмысливать исторический процесс. В рецензии речь идет о том, что историзм как методологический принцип возник не сразу. Немецкий историк и философ истории Фридрих Мейнке в книге «Возникновение историзма» излагает энциклопедически достоверную картину возникновения этого явления. Историзм выступает как закономерный результат всего идейного развития Запада, начиная с античности, как высшее выражение человеческого духа. Мейнке тщательно прослеживает истоки историзма у крупнейших английских, французских и немецких просветителей. Стремясь преодолеть и показать постепенное преобразование просветительского мышления в историческое, автор выдвинул тезис о диаметральной противоположности Просвещения и его историзма. Книга дает внушительную картину развития исторической мысли в Западной Европе и противопоставит негативному отношению к историзму как способу мышления.*

***Ключевые слова:** просвещение, историзм, философия, историцизм, человеческая природа, дух, человеческая душа, законы, общество, государство*

Мейнке Фридрих. Возникновение историзма. М.; СПб, 2013. 480 с. (1000 экз.)

Слово «историзм» происходит от немецкого Historismus и греческого Historia — «исследование, изыскание». Это понятие употребляется как минимум, в трех основных значениях. Первое — как «анамнесис» (греч. «припоминание»), свойство человеческой души ощущать себя в вечности, вне материального тела. Это термин теории познания Платона, согласно которому человеческое сознание способно припоминать изначально скрытое в душе знание. Платон утверждал, что идеи, абстрагированные от материальных вещей, могут быть постигнуты только путем анамнесиса, то есть припоминанием человеческой душой знания, которым она обладала до вселения в смертное тело на земле. У Аристотеля анамнесис фигурирует как припоминание определенного знания. Второе значение, производное от первого, заключается в понимании историзма как неотъемлемого свойства художественного мышления вообще, в равной степени, хотя и в различном качестве, свойственного Классицизму и Романтизму. Историзм — это идейная основа, культурная память искусства, залог духовности, связующая нить поколений. Историзм есть свойство челове-

ческой души, «всеобщая отзывчивость» (по Ф.М. Достоевскому).

Однако существует различие, из которого происходит третье значение термина «историзм» как названия конкретного исторического периода в развитии европейского искусства 1830-1880-х гг. Историзм XIX в. прагматичен. Пользуясь отдельными историческими формами и приемами, художники стали выражать актуальное содержание, но одевали свои произведения в «исторические костюмы», отсюда ощущение игры, карнавальности. Историзм классического искусства идеален, романтичен, а историзм XIX в. спекулятивен. С классицизма в 1830-х гг. усиливается разлад между классикой и современностью, высоким, или изящным, искусством и ремеслом; «художеством» и промышленным производством массовых изделий, поэтому рубеж 1830-х гг. в Европе означает конец классического искусства. До этого времени существовали исторические художественные стили, позднее — стилизации.

Историзм — принцип рассмотрения мира, природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, в закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования.

Историзм — немецкая философская школа конца XIX-XX века, к представителям которой можно отнести В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Мейнеке, Г. Риккерта, М. Вебера. Э. Трёльча.

Фридрих Мейнрике (1862-1954) — немецкий историк и философ истории, поставил своей задачей изобразить пути возникновения историзма и его значимость. Явление историзма, его возникновение и развитие автор считает величайшей духовной революцией, которую пережило западноевропейское мышление. В книге создана грандиозная концепция генезиса историзма как общеевропейского феномена. Историзм выступает как закономерный результат всего идейного развития Запада, начиная с античности, как высшее выражение человеческого духа. Мейнрике тщательно прослеживает истоки историзма у крупнейших английских, французских и немецких просветителей. Стремясь преодолеть и показать постепенное преобразование просветительского мышления в историческое, автор выдвинул тезис о диаметральной противоположности Просвещения и его историзма. Книга дает внушительную картину развития исторической мысли в Западной Европе и противостоит негативному отношению к историзму как способу мышления.

До Ф. Мейнрике вопрос о кризисе исторического мышления ставил Эрнст Трёльч. Он обозначал общие философские основы и элементы исторического сознания, о том, как можно мыслить и конструировать связь исторических событий. По мнению Э. Трёльча, «громдное стремление к единению исторической жизни, к ее единым силам и целям, к взаимопроникновению исторических ценностей в создании духовного и живого целого, вполне естественно, возникло как реакция на расщепление и опустошение истории»¹.

Трёльч считал, что К.Маркс и родственные ему по духу мыслители разрушили всю привычную картину мира. Ф. Ницше, разбив скрижали принятых ценностей, предложили новое понимание европейской истории.

Под историзмом Ф. Мейнеке понимал применение к исторической жизни новых жизненных принципов, обретенных в ходе великого немецкого движения от Лейбница до Гёте. После Реформации историзм явился вторым грандиозным событием. Историзм не только метод в науках о духе. Обоснование наук о духе — термин, применяемый для обозначения программы обоснования гуманитарных наук Вильгельма Дильтея (1833-1911), которая

была осуществлена им с психологических позиций и на базе герменевтической методологии. Дильтей считал метод понимания методом непосредственного постижения духовной целостности. Предметом понимания могут выступать внутренний мир человека, внешний мир и культура прошлого. Понимание внутреннего мира осуществляется при помощи интроспекции. Внешний мир доступен пониманию так же, как постигаем для человека объективно существующий мир. Для понимания культуры прошлого Дильтей использует герменевтику.

Дильтей разделял всю сумму духовных явлений, относящихся к сфере науки, на науки о природе и науки о духе, которые весьма относительно отличаются друг от друга по предмету и специфике методов исследования. Это обусловлено тем, что мир природы и духовный мир тесно связаны друг с другом. Природа является фактором, условием и моментом деятельности человеческого духа, жестко определяя жизнь человека. И в то же время человек оказывает обратное воздействие на природу, изменяя природный мир и себя как часть этого мира. Неотвратимое действие природных, независимых от человека сил и свободный человеческий дух сплетаются в единый универсум свойств, связей и отношений, части которого существуют независимо от целого и друг от друга только мысленно.

Ядро историзма — индивидуализирующий подход. Это не означает, подчеркивает Ф. Мейнеке, что историзм вообще исключает поиски общих закономерностей и типов человеческой жизни. Разумеется, индивидуальность человека и созданных им социальных и культурных образований до сих пор не исследовалась и не учитывалась. Полагалось, что человек сохраняет свою природу во все времена. Однако при этом не учитывается глубокие изменения и многообразие форм бытия. «Вера в стабильность человеческой природы, и прежде всего разума человека сформировалась в особенности под воздействием естественно-правового мышления, господствовавшего со времен античности» (с. 6). Естественное право как историческая идея и сила действовало наряду с прорывом нового индивидуализирующего образа мысли и после него. XIX в. превратился в настоящий плавильный котел, где оба эти подхода образовали некое единое целое.

Ф. Мейнеке видит в историзме высший достигнутый до сих пор уровень понимания того, что связано с человеком. Историзм предполагает воссоздание содержания любой эпохи, ее неповторимого облика и колорита. Под воздействием идеи развития, счи-

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 13.

тает автор, был преодолен преобладавший способ обращения с историческими изменениями, который называется прагматизмом. Гегемония аналитической традиции в англо-американской философии столкнулась с мощными вызовами герменевтических, постструктуралистских, постмарксистских теорий, разрабатываемых континентальными философами. В противоположность традиционной аналитической философии, но в соответствии с прагматизмом эти теории оппозиционны историческим позитивистским ценностям².

Естественное право, неоплатонизм, христианство, протестантизм, пиетизм, естествознание и жажда путешествий в XVII-XVIII вв., стремление к свободе и национализм, — вот что, по мысли Мейнеке, содействовало появлению историзма. Чем же он одушевлен? Стремлением показать, что человеческая природа не оставалась неизменной во все времена. Р. Бультман связывал этот интерес к истории с идеей историчности человека. О чем речь? Нет ничего нового в том, что жизнь человека вплетается в ход исторических событий. Он не выбирает место, где начинается его бытие. Человек заброшен в особое историческое время. Но это вовсе не означает, что человек готов смириться с узкими пределами своей жизни. Он бросает вызов судьбе своей активностью. Но теперь люди осознали не только свою зависимость от исторического горизонта. Они в полной мере ощутили свою беспомощность. Горечь возникает именно потому, что люди по существу отданы истории на милость³.

Менялись и естественно-правовые идеалы. Первый шаг в этом направлении был сделан Декартом. Если до XVII в. верилось в силу человеческого разума, то отныне не первый план вышел вопрос о познающем субъекте и о законах, которые должны быть обнаружены в нем. Но познающий субъект был еще не индивидуальным субъектом в многообразии своих исторических обнаружений, а субъектом всеобщим, абстрактным человеком естественного права. Господствовала во многом механическая причинность. Мейнеке анализирует концепции тех мыслителей, которые подготовили переворот в понимании историчности человека.

Английский философ А. Шефтсбери полагал, что дух изначально господствует над телом, а не тело над духом. Красота никогда не скрывается в веществе, но всегда содержится в форме, в фор-

мирующей силе, в идее. Героизм и человеколюбие — почти одно и то же, но достаточно небольшого искажения этих аффектов, чтобы герой и освободитель превратился в угнетателя и разрушителя. Шефтсбери хотел заменить старые абсолютные ценности на новые. Лейбниц выдвинул идею своеобразной индивидуальности, которая спонтанно действует и развивается по собственному закону, но все же является при этом вариантом всеобщей закономерности. Он сумел осветить своим факелом как следовавшее за ним просветительское движение, так и немецкий идеализм и историзм, поднимавшийся из недр этого движения. Лейбниц считал, что главная цель истории, как и поэзии, должна состоять в том, чтобы посредством примеров учить благоразумию и добродетели и изображать порок в таком виде, чтобы он вызывал отвращение. Он настаивал на точном и критичном рассмотрении исторического материала. «Детерминистская черта, присущая учению о монадах, открыла Лейбницу взгляд вглубь индивидуальной человеческой судьбы» (с. 38).

Мейнеке считает, что Г. Арнольд был первым среди историков, который поставил в центр внимания человеческую душу. Лейбниц и Арнольд жили и мыслили в общей атмосфере душевной независимости от авторитетов мира и в благочестивой зависимости от божества. На этом, по мысли Мейнеке, и основаны их заслуги с точки зрения подготовки историзма. А вот Дж. Вико совершил подлинный прорыв в формировании историзма. Он считал, что только история, созданная людьми, «мир наций» является той областью, которую человек может познать лучше всего и где он может достичь все же вероятного знания. Его концепция начинается с примечательного и проблематичного компромисса между христианским учением и вновь обретенным историческим законом. Божественная, героическая и человеческая эпохи теперь следуют друг за другом отдельно для каждого народа. Все народы совершили одно и то же продвижение от самого примитивного существования до зрелости разумной гуманности, которая и является подлинной природой человека. «Наиболее значительная идея заключалась в том, что именно различная душевная организация людей, сначала почти животная, а затем «постепенно гуманизовавшаяся, породила соответствующие ей нравы, социальные и государственные институты на каждой степени — от безгосударственной разъединенности гигантов до народной республики и абсолютной монархии» (с. 47).

² Шустерман Ричард. Прагматическая эстетика. М., 2012. С. 26.

³ Бультман Рудольф. История и эсхатология. Присутствие вечности / Перевод с англ. А.М. Руткевича. М., 2012.

Учение Вико вначале представляло собой грандиозное обновление и углубление старых учений о круговороте, созданных в античном мире и в эпоху Возрождения. Друг за другом циклически следуют не просто формы государственного устройства, как учил Полибий, но и порождающие их душевные силы народов. Так универсально и в то же время с таким глубоким проникновением до самых корней происходящего еще никогда не постигалась история человечества, расчлененного на народы. Идея Вико, в соответствии с которой люди, создавая гражданское устройство и культуру, сами не знали, что делали, а лишь следовали своим узким, сиюминутным интересам, оказала дальнейшее освободительное воздействие на историческое мышление.

Таким образом, в решающем месте было сломлено восходящее к античности представление о единообразии человеческой природы. Тем самым был открыт путь для идеи исторического развития. Мифы и языки, наиболее подлинные реликты того времени, стали для Вико настоящим источником исторического познания. Вико ничего не рассматривал в статическом покое, но видел все ставшим и вновь становящимся. По мнению Вико, из идеи исторического развития и из судеб государств и народов не могут быть устранены война и политика силы как определяющие факторы и внутренней жизни, как непредсказуемые факторы ее подъема и упадка. «Всемирная история, — отмечает Мейнике, — стала совокупностью однородного развития народов, зрелой виноградной гроздью, в которой каждая ягода кажется похожей на другую» (с. 53).

Вико расширил сферу исторического исследования на все народы земного шара. Естественное право XVII искало вечные, вневременные и простые законы для человечества. Их искал и Вико. Но огромное различие заключалось в том, что он обрел законы не бытия и застывшего пребывания, а развития. Положение, что бытие человеческой природы повторяется и в принципе неизменно, заменяется. Трансформация человеческой природы повторяется и это в принципе не может быть изменено. «В статическую чашу было влито динамическое содержание» (с.54). Вико поднялся над противоречиями между оптимизмом и пессимизмом в понимании культуры. Механическая идея простой гибели, угрожавшая сделать историю бессмысленной, была преодолена с помощью мысли боле высокого порядка — о неисчерпаемой силе возрождения, свойственной не одному человеку, но всему человечеству. Вико

принадлежит исследование духа древнейших исторических времен.

Сейчас трудно определить силу воздействия Вольтера на современное ему общество. Он был самой знаменитой личностью XVIII в. Хотя он не был ни философом, ни создателем цельной философской школы, именно ему было суждено определить направление развития всего XIX в. Собственное и новое в творчестве Вольтера нерасторжимо связано с исторической ситуацией, которую породил ход вещей во Франции и во всей Западной Европе. Вольтер хотел читать историю глазами философа, он предложил «философию истории». Он создал это понятие. Просветительская философия истории не хотела взмывать так высоко, как попытался бы ее понять настоящий философ, но и не погружаться в материальное так глубоко, как это делали историки до Вольтера. Следовательно, философия истории означала для него не что иное, как извлечение «полезных истин» из протекшего.

С уровнем жизни и умственной высотой сравнивал Вольтер все исторические явления и отмечал в прошлом то, что соответствовало или не соответствовало таким критериям. Счастье, ум, нравы и обычаи народов, которые он хотел исследовать, были положены на эту чашу весов, которая резко поднималась, свидетельствуя о совершенстве жизни, современной Вольтеру. Огромное впечатление на Вольтера произвели естественнонаучные и математические открытия половины столетия. Мораль, неустанно повторял Вольтер, одинакова во все времена и у всех народов, ее закон никогда не может быть вырван из человеческого сердца. Нельзя отрицать человеческую теплоту, с которой Вольтер повсюду в исторической жизни искал следы морали и доказывал ее существование. Исторический мир Вольтера предстал в виде дуалистического сосуществования и противостояния разума и неразумия. «К разуму относился не только стабильный и вечный моральный закон в человеческом сердце, но и рафинированная способность к суждению, которая вела к истинному, полезному и прекрасному и тем самым создавала те блага жизни, которые восхищали Вольтера. И разуму приходилось бороться с властью неразумия им страдать от него, так что старые народы в особенности представляли собой смешение крайней глупости и некоторой доли мудрости» (с. 67).

Согласно Вольтеру, нам не дано понять, почему Бог-инженер именно так сконструировал мировой механизм и «оснастил» человеческую жизнь таким количеством страданий и зла. Решающим стимулом

к предпринятому Вольтером исследованию истории стало стремление использовать всю мировую историю, поставив ее на службу просвещению рода человеческого и доказать на историческом материале необходимость просвещения. Правда, уже историография Ренессанса и гуманизма дали новое духовное содержание, но произошло это с наивной самоуверенностью, без особой полемики против старого. Деяние же Вольтера — подкрепление нового всеобщего идеала культуры новым истолкованием всеобщей истории стало началом новой эры для западного духа вообще. История, по словам Мейнеке, оказалась мобилизованной и актуализированной в длительной перспективе. Каждый новый великий идеал нуждается в обширном историческом обосновании. В борьбе идеологий, которые отныне велась с использованием исторических средств, сама историческая истина никогда не могла избежать опасности оказаться затемненной под воздействием тенденций, которыми порождены идеологии.

«Утешение и оправдание исторического мышления вообще заключается в том, чтобы вновь и вновь усматривать нечто созидательное в явлениях исторической жизни, пишет Мейнеке, — которые несовершенны сами по себе. Пусть даже Вольтеру его собственное мировоззрение мешать видеть в истории творческое. Но следы живого видения будут с волнением открываться то там, то здесь и с восхищением будет делаться вывод о действительно и объективно творческих результатах его исторического труда» (с. 69). Вольтер с осознанным вдохновением разрушил чары иудеистского и христеистского принципа отбора материала и открыл всю историческую жизнь человечества испытующим и различающим суждениям историка. Так формировался исторический космос.

Историческая психология Вольтера покоилась на четком очерчивании отдельных душевных элементов в сфере их взаимодействия, осуществляемого природой. Иррациональная глубина души осталась скрытой от него. Но Вольтер не был бы самим собой, если бы он удовлетворился только показом калейдоскопа времен, людей и народов. Механистической была вся идея совершенствования, в рамках которой развивалась все, что в исторической картине, созданной Вольтером, выходило за пределы простых калейдоскопических изменений. Время от времени Вольтер говорил вместо совершенствования о «прогессе человеческого духа». Дух времен, дух народов, вообще

дух исторических образований — обо всем этом только и слышно у Вольтера. История, понимаемая таким образом, представлялась ему собственно философским способом написания истории. Это, по словам Мейнеке, мощная и эпохальная идея, не утрачивающая значения в результате недостатков ее реализации.

Вольтер открыл в истории власть мнения. Оно создает и законы. Вольтера привела к его открытию свойственная самим идеям Просвещения потребность во власти — ведь эти идеи видели своих самых могущественных противников как раз в господстве ложных и неразумных мнений. Однако просветительское мышление Вольтера в целом не смогло погрузить массы исторических явлений, закосневших в условности, в плавильный тигель и несколько раз перемешать их. Тем самым, по словам Мейнеке, были завоеваны самостоятельность и автономия исторического мышления, горизонт исторического интереса, расширен на все человеческое, пробуждено стремление к сравнению, к поискам аналогий, к размышлениям о причинах различий.

После Вольтера Мейнеке рассматривает концепцию Монтеस्कье. Такова последовательность, если руководствоваться не хронологией, а последовательностью идей. Величие Монтеस्कье, по мнению автора, заключалось в том, что он поставил все научные достижения своего времени на службу определенной задаче — дать государственному деятелю глубочайшие знания государственной жизни. Труд Монтеस्कье стал кульминацией того направления мысли и литературы, которые, руководствуясь общими естественно-правовыми идеалами, искали лучшее государство. Его главной путеводной звездой оставались справедливость и гармония между политикой и моралью. Он рассматривал государство не только сверху, глазами государственного деятеля, но и снизу, исходя из потребностей управляемых индивидов.

«Философия Монтеस्कье, — отмечает Р. Арон, — не относится ни к упрощенной детерминистской философии — как считал, например, Огюст Конт, — ни к традиционной философии естественного права, а является попыткой совместить и ту, и другую. Этим объясняется большое число толкований его научной мысли»⁴. В качестве одной из величайших заслуг Монтеस्कье то, что он сумел совершенно по другому и гораздо глубже, нежели Вольтер, продумать игру невежества, заблуждения и страсти в исторической

⁴ Арон Раймон. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1993. С. 71.

жизни. Там, где Вольтер с самодовольным высокомерием просветителя, как правило, видел лишь смысл и бессмыслицу и воспринимал бессмыслицу в исторической жизни как естественный рок, Монтескьё энергично стремился открыть и в бессмыслице некий смысл. Прежде всего он доказывал наличие следов разумности, пробивающейся где-то несмотря ни на что и в таких исторических явлениях, которые противоречили законам разума.

В государственном деятеле Монтескьё видел прежде всего не политика, который руководствуется принципами власти, а мудрого законодателя. Но философ, по мнению Мейнеке, великолепно совершил то, что исторически уже можно было совершить в эпоху Просвещения посредством соединения натуралистического и рационалистического способов рассмотрения. Самый смелый философский замысел, который только и мог существовать — одновременное признание бытия и становления. В сущности Монтескьё смотрел на проблему национального духа взглядом не историка, а политика. Дала себя знать основная черта его мышления — государственно-утилитаристская направленность. Монтескьё подходил к чужеродному разнообразию исторического мира, руководствуясь доминировавшим в его мышлении намерением обрести строгое причинное познание.

Мыслитель-государствовед и законодатель в его душе изучал индивидуальное, присущее народам, временам и институтам с точки зрения практических целей законодательства, разумно действующего, если оно приспособляется к фактическим различиям. Монтескьё было не дано, считает Мейнеке полностью прочувствовать творческое в индивидуальных образах истории. Задача его заключалась в том, чтобы уяснить себе сущность и изменения политических институтов и связанных с ними институтов социальных. Монтескьё еще не знал идеи прогресса, свойственной поздним просветителям. «Сильнейшее воздействие Монтескьё на историческое мышление заключалось в обретенном им новом уважении к созданиям исторического мира, в новом ощущении того, что повсюду можно открыть неизвестные до сих пор смыслы и связи» (с. 137).

Мейнеке считает, что труды Монтескьё означали незаменимый вклад французского духа в возникновение историзма. Из французских мыслителей и ученых, следовавших за ним, один из Руссо благодаря результатам своих усилий выполнил, возможно, незаменимую функцию в жизни тех, кому в Германии суждено было пробудить новое понимание

историзма. Автор также подчеркивает, что Англия была родиной просветительского движения, в сущность которого входило доказательство нового идеала человечества не только с помощью чистого разума, но и посредством рассматриваемой в качестве разумной истории. Позднейший историзм пытался понять мощное движение, одновременно разрушающее и оплодотворяющее, исходя из развития внутренних индивидуальных сил, которые всегда соответствуют великим личностям.

Тема личности в истории не относится к числу новых, неожиданных. Новейшая история располагает богатейшим материалом по сравнению с тем, которым владел, к примеру, Георг Гегель или русский философ Петр Лавров. Мы знаем имена современных властителей, которые оказали немалое влияние на историю. Но нам известны и исторические злодеи, чью погибель, по Пушкину, можно было встретить «с жестокой радостью». Сравним для начала героизацию личности в истории, которая одушевляла социальную философию, и горькое разочарование при осмыслении темы тирании, деспотизма, а также несменяемости власти. Мы располагаем сегодня солидным опытом, который свидетельствует о негативном воздействии личности на историю. По крайней мере, нам приходится сегодня спорить, можно ли считать Сталина гением социальных достижений. Мы ощущаем также, что уход в небытие крупных восточных вождей не позволяет дать их деятельности однозначную оценку.

Мейнеке доказывает, что век Просвещения и рационализма никогда не был временем господства только этих течений, но уже в самого начала содержал в своем чреве зародыши того, что возшло в XIX в. как романтизм, иррационализм и историзм. «Если есть намерение, — пишет Мейнеке, — свести все ценностные суждения Бёрка о человеческой жизни, государстве и истории к единственному понятию-истоку, то для этого существует понятие «мирское благочестие», благочестивое приятие мира, каков был, со всеми его безднами и темными сторонами, с религиозным доверием к последней трансцендентной гармонии и смыслу собственного включения в эту жизнь и понимания собственного долга» (с. 213).

Особый интерес Мейнеке вызывает общественная мысль Германии. Где, собственно, по его мнению, и возникло новое понимание истории, называемое историзмом. Оно не только вобрало в себя все прежние подходы к историзму, но и далеко превзошло их. В частности, Ю. Мёзер считал, что ради здоровья и силы целого надо спокойно смиряться со стра-

даниями отдельной личности. Это было типично консервативное мышление. В Мёзере, Гердере и Гёте мы видим трех самых значительных и наиболее рельефно проявившихся себя в XVIII в. первооткрывателей нового понимания истории. «Сущность нового исторического мышления заключалась и в том, что, хотя оно и создало совершенно определенные единые принципы постижения исторического мира, но питалось и еще сегодня должно питаться многообразием в высшей степени индивидуальных мотивов и задатков, чтобы не выродиться в простую рутину научных методов» (с. 274).

Гердер, как и другие универсально-исторические мыслители XVIII в. должен был поставить прежде всего и до всех других проблем вопрос о происхождении монотеистической религии, чтобы обрести масштаб для оценки всего остального. Учению Гердера покоилось на более универсальном сочувствии многообразию индивидуальностей народов, чем несколько позднее учение исторической школы права, вытекавшее из страстного погружения в своеобразие и творческую силу немецкого народного духа. Что касается Гёте, то для него искусство было частью исторического мира. Высокую историческую силу «традиции» в искусстве Гёте не ощущал как то, чем она в действительности была, то есть как жизненную силу, а воспринимал едва не с негодованием как препятствие чистому пониманию.

И просветители, и Гёте скорее искали человеческое в истории, чем историческое в человеке, только на долю Гёте выпало встретить на своем пути историческое в человеке в большем объеме. Общие религиозные идеи народов были для него вечно возвращающимися, лишь тысячекратно индивидуализированными формулами, таинственным даром высшей власти жизни. Мейнеке рассматривает вопрос о том, почему Гёте был недоволен историей. За этим скрывалось нечто большее, чем только протест глубокого чувства жизни против поверхностных мотивировок, свойственных прагматизму. Неотъемлемо связанный с историческим наследием и с рассмотрением истории субъективный элемент — вот что вызывало у Гёте недоверие к прагматизму. Со времен Гёте предпринимались неоднократные попытки вообще исключить случай из истории как нечто несущественное по сравнению с ее великими закономерностями.

Гёте радикально преодолел прагматизм и утилитаризм просветительской историографии. Она оценивала исторические действия в соответствии с их более или менее полезными результатами, а

они, в свою очередь, — согласно критериям царства целей, которое воздвиг для себя стабильный разум человечества. Тем самым эта историография отрывала друг от друга цели и действующих людей и измеряла их не по их собственному масштабу, по действовавшему в них закону жизни, а по масштабу всеобщих последних человеческих целей, который считался абсолютным. Гёте не ограничивался простым наблюдением вечного становления и изменения. Основная черта исторического мышления Гёте заключалась в том, что он видел, как во всех высоких действиях исторического человека всегда благотворно сквозит его самое естественное начало, тем самым освящая повседневность в качестве первичной формы. История для Гёте была, в конечном счете, частью вечного зрелища, в котором ход времени становится средством для цели вечно вновь рождающего творения. Заслуги Гёте в утверждении историзма могли быть не поняты, потому что он сам под воздействием своей природы должен был воспринимать исторический мир раздвоенным, как живой и мертвый одновременно, и поэтому применял вновь обретенные принципы познания только к части исторического мира.

Книга Ф. Мейнике погружает нас в пространство энциклопедической мысли. Она расширяет горизонты исторического мышления и обязывает к трепетному отношению к исторической памяти. В наши дни в России такая глубина и всеохватность поддерживаются слабо. Власть сегодня далеко не заботится о разностороннем просвещении народа. Напомним эпизод из российской истории: материал о деятельности русского императора Александре I. «Вступив на престол в 23 года, Александр видел перед собой необозримый масштаб деятельности внутри страны в силу ее отсталости от окружающего мира и огромную опасность со стороны захватнических действий Н. Бонапарта, который к тому времени захватил всю континентальную Европу, помимо России. Александр успешно провел курс по поднятию образования в России. Был поддержан Московский и открыто еще несколько университетов. Открываются лицеем, кадетские корпуса, губернские школы и уездные училища, приходские школы для всех сословий, организовано обучение в армии»⁵. Двести лет назад, оказывается, для того, чтобы усилить мощь страны, надо было, прежде всего, заняться образованием, поднять культуру народа. Что за морок

⁵ Литературная газета. 2013. № 15. С. 9.

охватил нас сегодня, если для той же цели нужно разрушить образование? Просветительская деятельность Светланы Яковлевны Левит, которая

реализует развернутые программы широкого гуманитарного просвещения вызывает чувство благодарности и восторга.

Список литературы:

1. Арон Раймон. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1993.
2. Бультман Рудольф. История и эсхатология. Присутствие вечности / Перевод с англ. А.М. Руткевича. М., 2012.
3. Гуревич Арон. Избранные труды. Средневековый мир. М.; СПб, 2013.
4. Доманска Эва. Философия истории после постмодернизма. М., 2010.
5. Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.
6. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991.
7. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.
8. Шустерман Ричард. Прагматическая эстетика. М., 2012.

References (transliteration):

1. Aron Raymon. Etapy razvitiya sociologicheskoy mysli / Obsch. red. i predisl. P.S. Gurevicha. M., 1993.
2. Bul'tman Rudol'f. Istoriya i eshatologiya. Prisutstvie vechnosti / Perevod s angl. A.M. Rutkevicha. M., 2012.
3. Gurevich Aron. Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir. M.; SPb, 2013.
4. Domanska Eva. Filosofiya istorii posle postmodernizma. M., 2010.
5. Sol Dzhon Rolston. Ublyudki Vol'tera. Diktatura razuma na Zapade. M., 2007.
6. Solov'ev E.Yu. Proshloe tolkuet nas. Ocherki po istorii filosofii i kul'tury. M., 1991.
7. Trel'ch E. Istorizm i ego problemy. M., 1994.
8. Shusterman Richard. Pragmaticheskaya estetika. M., 2012.